Т. И. Давидюк

МГУ, Москва

ЛАТИВ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

В горномарийском языке выделяют 11 падежей, в том числе 3 локативных: инессив (местный), иллатив (направительный) и латив (обстоятельственный), см. [Саваткова 2002: 93]. В таблице ниже представлены показатели этих падежей²:

Таблица 1. Локативные падежи горномарийского языка и их показатели

падеж	показатели
инессив	-(<i>ə</i>) <i>štə</i> /-(<i>ə</i>) <i>štə</i>
иллатив	-(<i>ə</i>) <i>škə</i> /-(<i>ə</i>) <i>škə</i> , -(<i>ə</i> / <i>ə</i>) <i>s</i> ³
латив	- <i>eš</i>

Инессив маркирует местонахождение, а иллатив — конечную точку какого-либо направленного движения⁴. Наиболее инте-

¹ Работа поддержана грантом РФФИ №16-06-00536. Материал был собран в ходе лингвистических экспедиций в с. Кузнецово Горномарийского района Республики Марий Эл в 2016–2017 гг. При сборе материала мы преимущественно опирались на метод эликации. Информация о предыдущем этапе данного исследования доступна в [Давидюк, Козлов 2016].

² Также существуют старые локативные падежные показатели, которые могут быть выделены в составе некоторых послелогов: -*nə*/*-nə* (инессив), -*kə*/*-kə* (иллатив), -(*r*)*an*/-(*r*)*än* (латив), -(*ə*)*s* (элатив). В данной работе эти показатели не рассматриваются.

³ Семантических различий между полной и краткой формами иллатива обнаружено не было. Диахронически в составе полной формы, помимо древнего лативного показателя на -*š*-, выделяется еще и показатель -*k*-, также имевший направительное значение (подробнее см. [Зорина 2002: 99–106]).

⁴ Цель движения (семантическая роль Цели, к примеру, выражена предложной группой *за водой* в предложении *Маша пошла за водой к*

ресным и сложно устроенным падежом в этой системе оказывается латив, который может кодировать и ту, и другую ситуацию и тем самым конкурировать с иллативом и инессивом. Одна из задач исследования заключается в том, чтобы описать условия употребления латива в этих значениях.

Кроме того, латив, в отличие от остальных горномарийских локативных падежей, обладает широкой сетью полисемии в непространственных значениях. Ниже мы попытаемся предложить модель развития непространственных значений латива из его пространственных значений. Эта задача особенно важна, так как в традиционных описаниях падежных значений предпочтение отдается списочному перечислению значений (см. [Alhoniemi 1993; Саваткова 2002]) и, следовательно, вопрос связи значений в пространственной и непространственной сфере подробно не рассматривается. Между тем, подобные исследования вписываются в контекст общих типологических работ, посвященных падежным системам и пространственным падежам в частности [Ганенков 2002; Malchukov, Narrog 2008; Luraghi 2014].

В близкородственном луговом марийском языке система пространственных падежей устроена похожим образом (см., например, [Пенгитов 1961]). Наиболее подробное на данный момент описание функций латива в луговом марийском языке содержится в [Alhoniemi 1993]. Однако ни в грамматиках лугового марийского, ни в грамматиках горномарийского не приводится четкого описания функций латива и эксплицитных формулировок его семантических отличий от иллатива и инессива (см. подробнее [Саваткова 2002: 104; Пенгитов 1961: 68–69; Галкин 1964: 49–50]).

На особое положение латива в системе пространственных падежей староторъяльского говора лугового марийского языка обратили внимание О. Л. Бирюк и Ф. И. Рожанский (см. [Бирюк, Рожанский 2002]). Как отмечается в указанной статье, латив в этом говоре является практически вымирающим локативным падежом. По нашим данным, в горномарийском языке (по крайней мере, в говоре с. Кузнецово) латив гораздо более употребителен.

реке) маркируется дативом, который не входит в систему пространственных падежей горномарийского языка. Таким образом, значения Цели и Конечной точки в горномарийском языке получают разное маркирование, хотя эти две семантические роли довольно схожи.

Подробнее результаты исследования О. Л. Бирюк и Ф. И. Рожанского обсуждаются в разделе 2.3.

Итак, в данной статье мы рассмотрим систему употреблений горномарийского латива. В разделе 2 будут обсуждаться пространственные значения латива. Раздел 3 посвящен его непространственным значениям. Итоги исследования и схема развития значений латива представлены в разделе 4.

2. Пространственные значения

2.1. Латив и глаголы с валентностью на конечную точку

Инессив и иллатив четко разграничиваются по своим значениям: иллатив обозначает направление движения к конечной точке (1), инессив — местонахождение участников ситуации (2):

- (1) *măn' xala-š / *xala-štâ tol-ân-am*
я город-ILL город-IN приезжать-PFV-1SG
'Я приехал в город.'
- (2) *măn' xala-štâ / *xala-š / *xala-škâ âl-en-äm*
я город-IN город-ILL город-ILL жить-PFV-1SG
'Я жил в городе.'

Латив может маркировать как ситуацию местонахождения, так и ситуацию движения к конечной точке⁵, но с некоторыми ограничениями. Так, в примерах (1) и (2) использование латива невозможно. Случаи употребления латива для обозначения конечной точки и местонахождения представлены в примерах (3) и (4) соответственно. Важно отметить, что во всех контекстах, где латив возможен, он может быть заменен без изменения значения на конструкцию с иллативом или инессивом в зависимости от выражаемого значения (конечная точка или локализация).

- (3) *vas'a sündäk-äškâ / sündäk-eš šâl-ân*
Вася сундук-ILL сундук-LAT прятаться-PFV.3SG
'Вася спрятался в сундук.'
- (4) *măn'-ân ergä-m lapka-štâ / lapka-eš*
я-GEN сын-POSS.1SG магазин-IN магазин-LAT

⁵ Тем самым, ярлык латив является условным.

kod-ān

остаться-PFV.3SG

‘Мой сын остался в магазине.’

Исторически значение конечной точки является для латива первичным (что и отразилось на выборе ярлыка для его обозначения): как отмечается в [Ylikoski 2011: 261–265; Alhoniemi 1967; Галкин 1964: 51–52], -š- и -e-, из сочетания которых образовался современный показатель латива, предположительно являются древними показателями, имевшими направительное значение.

Перейдем к семантическим ограничениям, накладываемым на употребление конструкций с лативом. Прежде всего стоит сказать, что латив не употребляется с глаголами движения, например, им не может оформляться конечная точка при глаголе *tolaš* ‘приезжать’ из примера (1)⁶. Выбор лативного маркирования конечной точки связан с особой семантикой предиката. Формы латива допустимы только при тех глаголах направительного движения, семантика которых наряду с перемещением к конечной точке предполагает длительное либо фиксированное нахождение перемещаемого участника в конечной точке после окончания движения — это, например, глаголы *šārāš* ‘стелить’, *optaš* ‘наливать’, *pādalaš* ‘вбить, вбивать’, *pizāš* ‘прилипнуть’ и др. В отсутствие достаточно эксплицитных описаний горномарийской лексики можно сравнить толкования двух пар русских глаголов, марийские эквиваленты которых способны или не способны присоединять локативное зависимое в лативе, из Активного словаря русского языка [Апресян (отв. ред.) 2014]. Так, в толковании глаголов *вбить* и *вешать* (их горномарийские эквиваленты *pādalaš* ‘вбить, вбивать’ и *sūkāš* ‘вешать’, как было сказано выше, могут присоединять зависимое в лативе) присутствует идея дальнейшего местонахождения объекта в некоторой локализации (эссивный компонент):

вбить: «Человек А1 (...) сделал так, что А2 вошел полностью или частично внутрь объекта А3» [Апресян (отв. ред.) 2014, 2: 25]

⁶ О маркировании лативом семантической роли средства передвижения при глаголах движения см. раздел 3.

вешать: «Человек А1 прикрепляет объект А2 <...> к вертикальной поверхности А3 так, что объект А2 висит на поверхности А3» [Апресян (отв. ред.) 2014, 2: 94]

С другой стороны, в толковании, например, глаголов *бежать* и *бросать* (чьи горномарийские эквиваленты *kârgâž'aš* ‘бежать’ и *šuaš* ‘бросать’ не сочетаются с лативом) содержится только идея движения к конечной точке, а эссивный компонент отсутствует:

бежать: «Существо А1 перемещается бегом в место А2...» [Апресян (отв. ред.) 2014, 1: 181]

бросать: «Человек А1, держа в руке или в руках объект А2, размахивается и выпускает его из рук, направляя А2 так, чтобы он летел в А3, на А3 или по направлению к А3» [Апресян (отв. ред.) 2014, 1: 360–361]

Данные о сочетаемости латива с некоторыми конкретными глаголами горномарийского языка приведены в Таблице 2.

Таблица 2. Сочетаемость глаголов с лативом и иллативом

глагол	значение	способность присоединять показатель	
		LAT	ILL
<i>optaš</i>	‘наливать’	+	+
<i>pizäš</i>	‘прилипать’		
<i>pêdalaš</i>	‘вбивать’		
<i>säkäš</i>	‘вешать’		
<i>šäläš</i>	‘прятать(ся)’		
<i>kenvazaš</i>	‘падать’	–	+
<i>pêraš</i>	‘заходить’		
<i>tolaš</i>	‘ехать’		
<i>täргеštäš</i>	‘прыгать’		
<i>čongeštäš</i>	‘лететь’		

Таким образом, латив обозначает результирующее местонахождение перемещающегося или перемещаемого объекта. Этим он отличается от иллатива, который обозначает направление движения к конечной точке и не дает никакой информации о дальнейшем состоянии объекта. Ситуации типа ‘Камень упал в яму’, в которых такая информация присутствует, однако лативная конструкция в горномарийском языке оказывается невозможной, объясняются, как нам кажется, тем, что в ситуации, обозначаемой глаголом *падать*, не заложено обязательного компонента длительного местонахождения. Таким образом, даже если этот компонент оказывается задан особенностями ситуации, данный глагол не способен присоединять зависимое в лативе.

2.2. Латив и глаголы с валентностью на местонахождение

Семантика длительного местонахождения проявляется и в конструкциях с глаголами местонахождения, с которыми возможно маркирование локативного участника лативом. Для обозначения результирующего местонахождения объекта латив может использоваться, в частности, при глаголах *kodaš* ‘оставаться’ и *peregäš* ‘хранить’, а также при глаголах создания графического объекта, в которых также прослеживается семантика дальнейшего длительного местонахождения:

- (5) *tädä sad-eš kod-eš*
он сад-LAT оставаться-NPST.3SG
‘Он останется в саду.’
- (6) *män' sakâr-âm bank-eš pereg-em*
я сахар-ACC банка-LAT хранить-NPST.1SG
‘Я храню сахар в банке.’
- (7) *rvezä tetrad'-eš krüg-äm âdâr-en*
мальчик тетрадь-LAT круг-ACC царапать-PFV.3SG
‘Мальчик начертил в тетради круг.’
- (8) *žurnalist tidä-m bloknot-eš sir-en*
журналист это-ACC блокнот-LAT писать-PFV.3SG
‘Журналист записал это в блокнот.’

Другой тип глаголов, сочетающихся с лативом, — это глаголы, обозначающие переход в новое состояние или процесс

этого перехода, см. примеры (9)–(11). В примерах (12)–(13), напротив, предикат не выражает значения изменения состояния, и маркирование локативного участника лативом невозможно.

- (9) *püerge krovat'-eš kol-en*
 мужчина кровать-LAT умереть-PFV.3SG
 ‘Мужчина умер в кровати.’
- (10) *ädäräš divan-eš amal-en ken*
 девочка диван-LAT спать-CONV идти.PFV.3SG
 ‘Девочка заснула на диване.’
- (11) *pušängö sadvič-eš kušk-eš*
 дерево сад-LAT расти-NPST.3SG
 ‘Дерево растет в саду.’
- (12) *ärvezä krovat'-äštâ / *krovat'-eš amal-a*
 мальчик кровать-IN кровать-LAT спать-NPST.3SG
 ‘Мальчик спит на кровати.’
- (13) *mä-m-nä-n pič-äštä-nä / *pič-eš-nä*
 мы-OBL-POSS.1PL-GEN сад-IN-POSS.1PL сад-LAT-POSS.1PL
ädâr äl-ä
 крот жить-NPST.3SG
 ‘У нас в саду живет крот.’

При переходных глаголах, как было показано в [Давидюк, Козлов 2016], форма латива во многих случаях может обозначать локализацию пациентивного участника, но не Агенса, ср. примеры (14)–(15) с переходным глаголом *žaraš* ‘жарить’ (хотя конструкция с лативом во втором предложении некоторыми информантами также признается грамматически правильной):

- (14) *män' paj-äm sälmä-eš / sälmä-štâ*
 я мясо-ACC сковорода-LAT сковорода-IN
žar-em
 жарить-NPST.1SG
 ‘Я жарю мясо на сковороде.’
- (15) *män' paj-äm kuxn'a-štâ / ??kuxn'a-eš*
 я мясо-ACC кухня-IN кухня-LAT

žar-em

жарить-NPST.1SG

‘Я жарю мясо на кухне.’

2.3. Промежуточный итог: особенности употребления латива в пространственной сфере

Как было показано выше, латив может маркировать ситуации, связанные как с местонахождением, так и с конечной точкой. При этом диахронические исследования связывают показатель марийского латива с древними направлятельными показателями.

Для глаголов направленного движения, которые могут присоединять зависимое в лативе (это глаголы типа ‘налить [в стакан]’, ‘спрятаться [в шкаф]’), оказывается важной идея дальнейшего длительного нахождения участника в том месте, где он оказался после окончания движения. При этом указанный семантический компонент должен изначально присутствовать в значении предиката: так, при описании ситуации ‘Камень упал в яму’, предполагающей дальнейшее нахождения камня в конечной точке движения, использование формы латива невозможно в силу того, что глаголы ‘падать’ или ‘упасть’ вне контекста ситуации не подразумевают длительного нахождения перемещаемого объекта в конечной точке движения.

В семантике глаголов, способных присоединять маркированное лативом зависимое со значением местонахождения, также прослеживается идея длительного местонахождения. Однако большинство таких глаголов оказывается глаголами перехода в новое состояние или процесса этого перехода (‘родиться [в Москве]’, ‘умереть [в больнице]’) и глаголами постепенного изменения состояния (‘расти [в лесу]’, ‘воспитываться [в детском саду]’, ‘мыться [в бане]’). Для переходных глаголов этот компонент значения скорее касается объекта, а не субъекта: в предложениях, описывающих ситуации ‘Я жарю мясо на сковороде’ и ‘Я жарю мясо на кухне’, маркирование лативом предпочтительно в первом случае, но не во втором.

Сравнивая наши горномарийские материалы с данными староторъяльского говора лугового марийского языка (см. [Бирюк, Рожанский 2002]), можно заключить, что формы латива в этих двух идиомах имеют схожие функции, но между ними существуют и некоторые различия. Так, О. Л. Бирюк и Ф. И. Рожанский

постулируют двойственную природу латива, складывающуюся, с одной стороны, из значения достижения субъектом некоторого места и дальнейшего его нахождения там, и, с другой стороны, из значения трансформации объекта в окончательном месте пребывания. В соответствии с этими значениями исследователи выделяют группы глагольных лексем, способных присоединять зависимое в лативе: глаголы со значением перемещения и последующего нахождения в достигнутом месте ('спрятать [во дворе]', 'заблудиться [в деревне]'), глаголы с трансформативным компонентом ('родить [в поле]', 'уснуть [на кровати]', 'заболеть [в городе]'), — а также особо выделяют глагол *kodaš* 'оставлять, оставаться'. Авторы отмечают, что перечисленные глагольные лексемы могут демонстрировать разную степень сочетаемости с лативом, то есть носители языка, признавая конструкции с лативом грамматически приемлемыми, для некоторых из этих глаголов все же предпочитают оформлять участника с пространственной ролью инессивом или иллативом. В исследованном нами кузнецовском говоре горномарийского языка различных степеней сочетаемости с лативом для изученных нами глаголов пока обнаружить не удалось. Не удалось также обнаружить зависимости употребления горномарийского латива от некоторых факторов, выделенных исследователями староторьяльского говора (в частности, от лица субъекта предложения и времени глагола). Также горномарийский латив является, несомненно, более употребительным падежом, нежели староторьяльский латив, который, как указано О. Л. Бирюк и Ф. И. Рожанским, многие носители признают устаревшим.

3. Непространственные значения

Перейдем теперь к непространственным значениям латива. У него были обнаружены значения причины, средства перемещения, результата, инструмента, точки приложения, профессии/занятия, приписываемого статуса, цены и меры (некоторые из этих значений указаны также в [Саваткова 2002: 104–106]). Ниже мы рассмотрим подробно большинство из этих значений, попытавшись мотивировать семантически их появление у горномарийского латива.

3.1. Латив и значения профессии/занятия, приписываемого статуса, меры, результата

Латив может обозначать получаемую профессию субъекта, а также приписываемый ему статус (16)–(17). Как нам кажется, эти значения мотивируются направительными употреблениями латива. Уточним, что это именно значение приобретаемых статуса или профессии, так как в случаях типа ‘вырасти красавицей’, ‘стать калекой’ в горномарийском используются конструкции с номинативом, а для ситуаций типа ‘работать поваром’ — с инессивом.

- (16) *măn' povar-eš tămen'-ăm*
я повар-LAT учиться-NPST.1SG
‘Я учусь на повара.’

- (17) *măn'-ăm deputat-eš ajâr-en-ăt*
я-ACC депутат-LAT выбирать-PFV-3PL
‘Меня избрали депутатом.’

Латив может обозначать и результат при глаголах разделения на части, что также мотивировано его направительной семантикой:

- (18) *măn' paj-ăm laštâk-vlă-eš ro-en*
я мясо-ACC кусок-PL-LAT рубить-CONV
šând-ăš-ăm
ставить-AOR-1SG
‘Я разрубил мясо на куски.’

Латив также может выражать значение меры при сравнительных конструкциях (19). Маркирование лативом меры также возможно в предложениях, неэксплицитно подразумевающих сравнение, как в примере (20), где сравнение происходит с предыдущим состоянием веса сестры. Значение меры, как нам кажется, прежде всего связано с идеей некоторого изменения и перехода в новое состояние, которая влияет на маркирование лативом локативного участника (см. примеры (9)–(11)).

- (19) *tî kornâ tă kornâ gâc văc uštăš-eš*
этот дорога тот дорога EL пять километр-LAT
kužê-rak
длинный-CMPR
‘Эта дорога длиннее той дороги на пять километров.’

- (20) *mən'-ən äkä-m vəc kilo-eš*
 я-GEN сестра-POSS.1SG пять килограмм-LAT
törlän-en
 поправиться-PFV.3SG
 'Моя сестра поправилась на пять килограмм.'

3.2. Латив и временные обстоятельства

Горномарийские пространственные падежи могут маркировать временные обстоятельства, ср. употребление инессива в (21) с семантикой интервала и иллатива в (22) с семантикой точки во времени, на которую переносится какое-либо событие.

- (21) *poezd vəc cäš-äštä tol-eš*
 поезд пять час-IN ехать-NPST.3SG
 'Поезд прибывает через пять часов.'
- (22) *ti päšä-m dekabr'-škâ vašt-aš*
 этот работа-ACC декабрь-ILL переносить-INF
kel-eš
 быть.нужным-NPST.3SG
 'Эту работу надо перенести на декабрь.'

Латив также может маркировать временные обстоятельства. Прежде всего он используется для оформления конечной точки во времени, к наступлению которой действие должно совершиться или достигнуть предела (23). Эта конечная точка может быть задана и каким-нибудь событием (24).

- (23) *maša vəc cäš-eš tol-eš*
 Маша пять час-LAT приходиться-NPST.3SG
 'Маша приедет к пяти часам.'
- (24) *tä tol-maš-eš-dä cilä*
 вы приходить-NMLZ-LAT-POSS.2PL все
jämdä li-eš
 готовить быть-NPST.3SG
 'Все будет готово к вашему приезду.'

Данные употребления, с одной стороны, связаны с исходным направительным значением латива, а с другой стороны, с идеей изменения состояния: к наступлению какого-либо времени

или события ожидается появление результата, меняющего текущее положение дел.

Кроме конечной точки, латив также маркирует срок в контекстах типа ‘приехать на N минут/часов/дней/месяцев...’, но не в контекстах типа ‘сделать работу за N минут/часов/дней/месяцев...’ или ‘жить в городе N дней/недель/месяцев...’:

- (25) *vas'a to-nâ-žâ* *kok cāš gāc vāc cāš*
 Вася дома-IN2-POSS.3SG два час из пять час
jakte li-eš.
 до быть-NPST.3SG
tādā kām cāš-eš vele tol-ân
 он три час-LAT только приходить-PFV.3SG
 ‘Вася будет дома с двух до пяти. Он приехал всего на три часа.’

Значение срока в этих контекстах предполагает компонент длительного местонахождения, который мы выделили для некоторых глаголов, способных вводить обстоятельство в лативе, см. Таблицу 2 и примеры (3)–(4).

Примеры (23) и (25) демонстрируют, что в горномарийском языке одинаково кодируются обстоятельства времени в ситуациях ‘приехать к N часам’ и ‘приехать на N часов’. Сосуществование этих значений у латива можно объяснить двойственной природой его локативных употреблений: в первом случае мы имеем дело с идеями движения к конечной точке и изменения состояния, а во втором — с идеей длительного местонахождения.

3.3. Латив и значения инструмента и средства перемещения

Еще одно значение, которое может выражать латив, — это значение инструмента. Стандартный способ выражения инструмента в горномарийском языке — это конструкция с послелогом *dono* (26). Однако в случае, когда значение инструмента совмещается со значением места, возникает возможность маркирования лативом (27). В (27) станок — это не просто инструмент, с помощью которого происходит обработка, но и место, где объект (Пациенс) претерпевает изменение (см. раздел 2.3).

- (26) *ūt'ä-m* *pušängä-m* *tavar*
 отец-POSS.1SG дерево-ACC топор

- dono ro-a*
 с рубить-NPST.3SG
 ‘Мой отец рубит дерево топором.’
- (27) *päšzäđ stanok-eš / stanok dono*
 рабочий станок-LAT станок с
detal'-âm äšt-ä
 деталь-ACC делать-NPST.3SG
 ‘Рабочий обрабатывает деталь на станке.’

В семантической зоне инструментов в отдельную подгруппу выделяются средства передвижения, которые нередко в языках мира получают то же маркирование, что и инструменты (см., к примеру, [Narrog 2008] и [Lehmann, Shin 2005]). В горномайриском языке для средств передвижения также возможны стратегии маркирования лативом и послелогом. Однако при этом конструкции с лативом и послелогом не синонимичны, как в случае более чистого инструментального значения (см. пример (27)): стратегия с послелогом выбирается тогда, когда субъект самостоятельно использует транспорт, а стратегия с лативом — в случае пассивного перемещения участника ситуации. Так, в (28) в силу агентивности субъекта перемещения латив невозможен, а в (29), напротив, предпочтителен для описания пассивного перемещения.

- (28) *män' rul'-âm kâč-em. män'*
 я руль-ACC держать-NPST.1SG я
motocikl dono / ??motocikl-eš kâdal-am
 мотоцикл с мотоцикл-LAT ехать-NPST.1SG
 ‘Я держу руль. Я еду на мотоцикле.’
- (29) *män' šänz-em lül'k-äštä.*
 я сидеть-NPST.1SG люлька-IN
män' motocikl-eš / ??motocikl dono kâdal-am
 я мотоцикл-LAT мотоцикл с ехать-NPST.1SG
 ‘Я сижу в люльке. Я еду на мотоцикле.’

Средства передвижения, предполагающие агентивного участника и не допускающие пассивного, маркироваться при помощи латива не могут:

- (30) *mən' ešə dono / *eš-eš kašt-am*
я лыжи с лыжи-LAT ходить-NPST.1SG
'Я еду на лыжах.'

Как показывают приведенные примеры, выбор стратегии для маркирования средства передвижения — при помощи латива или конструкции с послелогом *dono* — определяется наличием/отсутствием компонента агентивного передвижения субъекта. Попутно можно также отметить, что для средств передвижения, но только «контейнерного» типа, возможна и стратегия маркирования инессивом, ср. пример (31) с примером (32), где инессив невозможен, так как самокат не является контейнером:

- (31) *mən' rul'-əm kăč-em. mən' mašinä dono /*
я руль-ACC держать-NPST.1SG я машина с
mašinä-štə / ??mašinä-eš kădal-am
машина-IN машина-LAT ехать-NPST.1SG
'Я держу руль. Я еду на машине.'

- (32) *mən' kădal-am samokat dono / *samokat-ăštă*
я ехать-NPST.1SG самокат с самокат-IN
'Я еду на самокате.'

3.4. Латив и значение причины

В горномарийском языке латив может маркировать причину, но такое маркирование возможно не во всех случаях: латив оформляет участника со значением непосредственной причины событий, ср. пары примеров (33)–(34) и (35)–(36):

- (33) *ərlăxăn-eš tădă-n lică-eš-ăžă*
корь-LAT он-GEN лицо-LAT-POSS.3SG
lim läkt-ăn
струп появиться-PFV.3SG
'Из-за кори на его лице появились болячки.'
- (34) *ərlăxăn verc / *ərlăxăn-eš tădă škol-ăškă*
корь из-за корь-LAT он школа-ILL
ak kaštă
NEG.NPST.3SG ходить
'Из-за кори он не ходит в школу.'

- (35) *lem-eš mǎn'-ǎn mǎškǎr-em kašt-a*
 суп-LAT я-GEN живот-POSS.1SG болеть-NPST.3SG
 'Из-за супа у меня болит живот.'
- (36) *lem gišǎn / *lem-eš / lem-ǎm šoltâ-maš-eš*
 суп из-за суп-LAT суп-ACC варить-NMLZ-LAT
mǎn' pœzd-âš varaš kod-em /
 я поезд-ILL второй оставаться-NPST.1SG
kod-ǎn-am.
 оставаться-PFV-1SG
mǎn' šukâ tǎdǎ-m ǎšt-en-ǎm
 я долго он-ACC делать-PFV-1SG
 'Из-за супа/варки супа я опаздываю/опоздала на поезд.
 Я его долго готовила.'

В (33) развитие ситуации напрямую вызвано причиной, которая кодируется лативом (в данном случае заболеванием), в то время как в (34) ситуация отсутствия перемещения не является прямым последствием заболевания, а имеет промежуточных каузаторов (как минимум это сам субъект ситуации, принявший решение не осуществлять перемещение, или, например, врач, запретивший посещать школу). Сходное различие наблюдается и в паре (35)–(36). Заметим, что если в пример (36) добавить номинализацию *šoltâmaš* 'варка', которая является прямой причиной опоздания на поезд, то ее маркирование лативом будет возможно.

В целом, маркирование причины падежом с исходно направительной семантикой типологически необычно. Как отмечается в работе [Luraghi 2014: 130], причина чаще всего маркируется тем же средством, что и источник движения, а латив в горномайриском языке источник движения не обозначает (данное значение маркируется элативным послелогом *gǎc*). Ряд случаев маркирования причины средством, которое также оформляет конечную точку, обсуждается в работе [Ганенков 2002], посвященной развитию значений пространственных показателей в непространственной сфере. Наличие причинного значения у показателей директива в указанном исследовании предлагается объяснять тем, что он нередко маркирует цель движения, а отождествление цели и причины в языках мира наблюдается довольно часто. Однако в горномайриском языке латив не используется для обозначения цели

движения. В следующем разделе рассматривается датив в луговом марийском языке, который маркирует цель движения и употребляется во многих контекстах, для которых в горномарийском языке используется маркирование лативом.

3.5. Непространственные значения в луговом марийском

Во многих рассматривавшихся в разделах 3.1–3.4 контекстах, в которых в горномарийском языке используется латив, в луговом марийском употребляется датив [Пенгитов 1961: 65–66]. Это верно для временных значений (37)–(38), значений приписываемого статуса (39) и причины (40)⁷:

- (37) *Сӱрем-лан сӱан-ым ышт-ена*
 Сюрем-ДАТ свадьба-АСС делать-NPST.1PL
 ‘К празднику Сюрем справим свадьбу.’ [Пенгитов 1961: 66]
- (38) *Ик арня-лан ола-шке ка-ем*
 один неделя-ДАТ город-ILL идти-NPST.1SG
 ‘Еду в город на одну неделю.’ [Пенгитов 1961: 66]
- (39) *Ме тый-ым комсомольский агитатор-лан*
 мы ты-АСС комсомольский агитатор-ДАТ
шогалт-ена
 поставить-NPST.1PL
 ‘Мы тебя назначаем (букв. ставим) комсомольским агитатором.’ [Пенгитов 1961: 65]
- (40) *пакча сад-ыште шокошы-лан кайык-влак-ат*
 сад сад-IN жара-ДАТ птица-PL-ADD
шыплан-ен-ыт
 замолчать-PFV-3PL
 ‘Из-за жары даже птицы умолкли в саду.’ [Пенгитов 1961: 65]

Во многих уральских языках показатель, маркирующий семантическую роль реципиента или адресата, — к которым относится и датив в луговом марийском, — имеет и пространственные значения, в основном директивные (например, по данным работы [Строева 2008], дательно-направительный падеж в нгана-

⁷ Запись дается в соответствии с источником, глоссы мои.

санском и ненецком языках, датив в хантыйском языке и шокшинском диалекте эрзянского языка). В современных марийских языках дательный падеж маркирует цель движения (см. примеры (41) и (42) из лугового марийского языка и горномарийского языка соответственно) и не имеет никаких других значений в пространственной сфере. Как показано в диахронических исследованиях (см., например, [Kittilä, Ylikoski 2011] и [Зорина 2002: 78–82]), маркер дательного падежа в марийских языках связан с древним *l*-овым суффиксом, имевшим направительное значение.

- (41) *Шешке, ведра-м нал-ын, памаш деке*
 сноха ведро-ACC брать-CONV родник к
вўд-лан ошкыл колт-ыш
 вода-DAT идти слать-AOR.3SG
 ‘Сноха, взяв ведра, пошла за водой к роднику.’
 [Пенгитов 1961: 65]

- (42) *ävi väd-län ke-ä*
 мать.KIN вода-DAT идти-NPST.3SG
 ‘Мама идет за водой.’

Таким образом, датив в луговом марийском языке покрывает те случаи, которые в горномарийском языке маркируются лативом. Как нам кажется, это может быть косвенным подтверждением того, что происхождение маркера датива связано с древними пространственными суффиксами.

4. Заключение

В настоящей статье было рассмотрено функционирование латива в горномарийском языке (говор с. Кузнецово и окрестностей). Латив способен маркировать как конечную точку какого-либо направленного движения, так и местонахождение участников ситуации, причем исторически первичной является первое из этих значений. Ставилась задача выявить условия употребления латива в горномарийском языке, а также исследовать его значения в непространственной сфере.

Как показало исследование, форма латива всегда может быть заменена другой падежной формой: инессивом в случае обозначения местонахождения и иллативом при обозначении

конечной точки. Маркирование лативом конечной точки связано с идеей длительного нахождения объекта в достигнутом месте после окончания движения. К глаголам с подобной семантикой относятся, в частности, *sākāš* ‘повесить [на стену]’, *optāš* ‘наливать [в стакан]’, *pādalaš* ‘вбивать [в стену]’, *šālāš* ‘прятаться [в шкаф]’. В случае маркирования лативом местонахождения мы предлагаем различать ситуации, в которых используется переходный глагол, и ситуации, в которых используется непереходный глагол. Способность многих глаголов сочетаться с обстоятельством места в лативе связана, вероятнее всего, с семантикой изменения состояния, выражаемой этими глаголами, ср. глаголы *kuškaš* ‘расти [в саду]’, *amalen keāš* ‘заснуть [на диване]’, *šačaš* ‘родиться [в Москве]’. В конструкциях с переходными глаголами локативное зависимое, отсылающее к местонахождению Пациенса, а не Агенса, скорее предпочитает маркирование лативом (см. примеры (14)–(15) в разделе 2.2).

Кроме этого, мы рассмотрели полисемию горномарийского латива в непространственной сфере и постарались связать его непространственные значения с пространственными. Можно предложить следующую схему, обобщающую путь развития рассмотренных нами непространственных значений латива из его пространственных значений:

Рисунок 1. Схема развития значений латива в горномарийском языке

Появление у направительного падежа способности маркировать местонахождение хорошо известно в лингвистике: это так называемая *end-point metonymy*, которая может быть проиллюстрирована известной парой английских конструкций *to fly over the hill* vs. *to live over the hill* [Brugman, Lakoff 1988].

Из непространственных значений горномарийского латива с типологической точки зрения интерес представляет наличие значения причины у исходно направительного падежа. Можно предположить, что оно является результатом не непосредственного перехода от направительной семантики, а результатом семантической эволюции: у латива появилась возможность маркировать местонахождение участника, претерпевающего какое-либо изменение, и в дальнейшем причину этих изменений.

Сокращения

ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; AOR — 1-ое прошедшее время; CMPR — компаратив; CONV — конверб; DAT — датив; DETR — непереходность; EL — элатив; GEN — генитив; ILL — иллатив; IN — инессив; IN2 — послеложный инессив; INF — инфинитив; KIN — термин родства; LAT — латив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; NMLZ — номинализация; OBL — обликвус; PFV — 2-ое прошедшее время; PL — множественное число; POSS — посессивность; SG — единственное число.

Литература

- Апресян 2014 — Ю. Д. Апресян (отв. ред.). Активный словарь русского языка. Т. 1–2: А–Г. М.: Языки славянской культуры, 2014. [Yu. D. Apresian (ed.). *Aktivnyi slovar' russkogo iazyka* [Active Russian dictionary]. Vols. 1–2: A–G. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2014].
- Бирюк, Рожанский 2002 — О. Л. Бирюк, Ф. И. Рожанский. Третий лишний (обстоятельный падеж в марийском языке) // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 2. Грамматикализация пространственных значений в языках мира. Москва: ООО «Русские словари», 2002. С. 107–126. [O. L. Biriuk, F. I. Rozhanskii. *Tretii lishnii (obstoiatel'stvennyi padezh v mariiskom iazyke)* [Third is a crowd (a circumstantial case in Mari)] // V. A. Plungian (ed.). *Issledovaniia po teorii grammatiki. Vyp. 2. Grammatikalizatsiia prost-ranstvennykh znachenii v iazykakh mira*. Moskva: ООО «Russkie slovari», 2002. P. 107–126].

- Галкин 1964 — И. С. Галкин. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Часть I. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1964. [I. S. Galkin. Istoricheskaja grammatika mariiskogo iazyka. Morfologija. [Historical grammar of Mari. Morphology]. Part I. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1964].
- Ганенков 2002 — Д. С. Ганенков. Модели полисемии пространственных показателей. Дипломная работа, МГУ, М., 2002. [D. S. Ganenkov. Modeli polisemii prostranstvennykh pokazatelei [Polysemy models of spatial markers]. Diplomnaia rabota, MGU, M., 2002].
- Давидюк, Козлов 2016 — Т. И. Давидюк, Л. С. Козлов. Латив в горномарийском языке (тезисы, устный доклад, материалы к докладу) // Тринадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Санкт-Петербург, 2016. (http://www.youngconfspb.com/application/files/2014/8035/6578/Davidyuk_Kozlov.pdf) [T. I. Davidiuk, L. S. Kozlov. Lativ v gornomariiskom iazyke (tezisy, ustnyi doklad, materialy k dokladu) [Lative in Hill Mari (abstract, oral presentation, materials for the talk)]. In: Trinadtsataia Konferentsiia po tipologii i grammatike dlia molodykh issledovatelei. Sankt-Peterburg, 2016. (http://www.youngconfspb.com/application/files/2014/8035/6578/Davidyuk_Kozlov.pdf)]
- Зорина 2002 — О. В. Зорина. История и современное состояние падежной системы горномарийского языка. Диссертация к. ф. н., СПбГУ, СПб., 2002. [O. V. Zorina. Istoriia i sovremennoe sostoianie padezhnoi sistemy gornomariiskogo iazyka [Historical and modern case system of Hill Mari]. Dissertatsiia k. f. n., SPbGU, SPb., 2002].
- Пенгитов 1961 — Н. Т. Пенгитов. Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1961. [N. T. Pengitov. Sovremennyi mariiskii iazyk. Morfologija [Modern Mari. Morphology]. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961].
- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка [Bibliotheca Ceremissica 5]. Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola, 2002. [A. A. Savatkova. Gornoe narechie mariiskogo iazyka [The Hill dialect of Mari] [Bibliotheca Ceremissica 5]. Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola, 2002].
- Строева 2008 — М. Н. Строева. Семантика локативных падежей в уральских языках. Дипломная работа, МГУ, М., 2008. [M. N. Stroeve. Semantika lokativnykh padezhei v ural'skikh iazykakh [Semantics of locative cases in Uralic languages]. Diplomnaia rabota, MGU, M., 2008].
- Alhoniemi 1967 — A. Alhoniemi. Über die Function des Wohin-Kasus im Tscheremisschen. [Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia (n. 142)]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1967.

- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. *Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar* (aus dem Finn. übers. von Hans-Hermann Bartens). Hamburg: Buske, 1993.
- Brugman, Lakoff 1988 — C. Brugman, G. Lakoff. Cognitive topology and lexical networks // G. Cottrell et al. (eds.). *Lexical ambiguity resolution: perspectives from psycholinguistics, neuropsychology and artificial intelligence*. San Mateo (CA): M. Kaufman, 1988.
- Kittilä, Ylikoski 2011 — S. Kittilä, J. Ylikoski. Remarks on the coding of Goal, Recipient and Vicinal Goal in the European Uralic // S. Kittilä, K. Västi, J. Ylikoski (eds.). *Case, Animacy and Semantic Roles* [Typological Studies in Language, v. 99]. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 29–64.
- Lehmann, Shin 2005 — C. Lehmann, Y.-M. Shin. The Functional Domain of Concomitance. A Typological Study of Instrumental and Comitative Relations // C. Lehmann (ed.). *Typological studies in participation* [Studia Typologica 7]. Berlin: Akademie Verlag, 2005. P. 9–104.
- Luraghi 2014 — S. Luraghi. Plotting diachronic semantic maps. The role of metaphor // S. Luraghi, H. Narrog (eds.). *Perspectives on Semantic Roles*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2014.
- Malchukov, Narrog 2008 — A. Malchukov, H. Narrog. Case polysemy // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford handbook of case*. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Narrog 2008 — H. Narrog. Varieties of Instrumental // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford handbook of case*. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Ylikoski 2011 — J. Ylikoski. A survey of the origins of directional case suffixes in European Uralic // S. Kittilä, K. Västi, J. Ylikoski (eds.). *Case, Animacy and Semantic Roles* [Typological Studies in Language 99]. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 235–280.